

A scenic view of a river with lily pads and wooden houses. The water is dark and reflects the surrounding greenery and buildings. The houses are made of weathered wood and are situated along the riverbank. The sky is clear and blue.

Сергей Абдалов

Не мои родители

18+

Сергей Абдалов

Не мои родители

<https://litres.ru/74136858>

SelfPub; 2026

Аннотация

Василий, закончив очередной семестр, наконец приезжает из города домой в деревню. Парень на радостях хочет поделиться с родителями своими впечатлениями от учёбы, однако уже с порога замечает ,что с родителями что-то не так...

Содержание

Не мои родители	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Не мои родители

Не мои родители

Стук колес электрички стих, оставив Василия наедине с гулкой тишиной полустанка. Воздух здесь пах полевыми цветами и лесом, отчего парень даже расплылся в улыбке. В городе он отвык от этой фантастической смеси запахов. Парень подхватил рюкзак и зашагал по знакомой с детства тропинке, ведущей к деревне.

Солнце лениво поднималось над лесом, заливая золотом спелую пшеницу. Василий шел по проселочной дороге, и каждый шаг глухо отдавался о сухую землю. Полгода в бетонной коробке общежития стерли из памяти этот масштаб. В городе небо было клеткой, зажатой между крышами, здесь — необъятным куполом.

Дорога петляла меж полей, которые сейчас казались застывшим океаном. Он помнил их другими: весной — черными и влажными, летом — изумрудными. Но венец года был именно этот — зрелость. Золотые колосья перемежались островками пронзительно-синих васильков.

Воздух вибрировал от стрекота кузнечиков, заменяя со-

бой городской шум. И запахи... Они обрушились на Василия лавиной. Основой служил дух нагретой солнцем глины. В эту базу вплетался густой медовый аромат донника и горькая нота полыни. И конечно, главный запах — созревающего зерна. Сухой, пыльный, с ореховой горчинкой. Запах хлеба и сути этой земли.

Василий вдохнул полной грудью, очищая легкие от прикуса выхлопных газов. Впереди показалась кромка березовой рощи. За ней дорога уходила к озеру, чьё присутствие ощущалось по влажной прохладе. По мере приближения к дому пейзаж становился обжитым: заборы, георгины, мычание коровы вдали. Это был голос дома.

Ветер сменился, принеся дымный оттенок. Кто-то затопил баню. К полевым ароматам добавился терпкий дух березовых дров, всколыхнув воспоминания о горячем паре и липовом венике.

Наконец, за поворотом открылась деревня. Над одним из дымоходов вился сизый дымок. Сердце Василия сжалось. Скрип калитки показался лучшей мелодией на свете. Войдя во двор, он остановился. Дом встретил его запахом старого дерева.

Старый, покосившийся сруб под шиферной крышей вы-

глядел так же, как и всегда, но Василий замер на месте. Окна были наглухо занавешены плотными темными шторами. Ни единого луча света не пробивалось наружу. Дом казался не живым строением, а слепым черепом, уставившимся в пустоту.

Василий толкнул калитку. Петли скрипнули так пронзительно, что он вздрогнул. Парень поднялся на крыльцо и постучал. Дверь открылась почти мгновенно, словно его ждали прямо за порогом.

На пороге стояла мать. Василий отшатнулся.

Её кожа была не просто бледной, а имела мертвенный серо-голубой оттенок, напоминающий брюхо рыбы, выброшенной на берег. Она казалась тонкой до прозрачности, так что под ней, особенно на висках и шее, просвечивала густая сеть тёмных вен, похожих на переплетение речных водорослей. Кожа была влажной и холодной на вид, лишённой всякого человеческого тепла.

Лицо было одутловатым, без мимики. Глубокие тени под глазами были не похожи на следы усталости, а являлись настоящими провалами, словно глазницы уходили куда-то вглубь черепа. Сами глаза представляли собой самый жуткий элемент её облика. Они были выпуклыми, водянистыми,

совершенно лишёнными осмысленного выражения. Зрачки почти сливались с мутной радужкой, делая взгляд пустым и остановившимся. Это был именно тот взгляд «забытого на берегу карася» — остекленевший, безжизненный, направленный сквозь тебя в никуда.

Волосы, мокрые и слипшиеся, свисали бесцветными патлами, по которым иногда стекала тонкая струйка какой-то темной слизи прямо на воротник платья. Когда женщина двигалась, в суставах слышался тихий, едва уловимый хруст, а движения были резкими и дёргаными, лишёнными плавности.

Но самым главным был запах, который исходил от неё — густой, удушливый смрад стоячей воды, тины и гниющих на дне водорослей. Этот запах пропитал всё вокруг женщины, став неотъемлемой частью её существа.

— Мама? — хрипло выдавил Василий.

Она не ответила. Просто отступила, давая ему пройти.

Внутри царил густой полумрак. Шторы были задернуты везде: в зале, в спальне родителей. Единственным источником света была тусклая лампочка в кухне. И здесь этот запах... Запах тины и гниющих водорослей был уже не просто

намеком. Он забивался в нос, оседал на языке горьким привкусом стоячей воды.

Отец сидел за столом. Мужчина выглядел изможденным — кожа имела нездоровый сероватый оттенок и казалась влажной на вид.

— Привет, пап...

Отец медленно поднял голову. Его глаза были мутными и воспаленными.

— Ты вернулся...

Это был не вопрос.

Василий поставил рюкзак на пол.

— Я привез гостинцы из города... — начал он бодро, но осекся под их взглядами.

Мать молча подошла к кухонному шкафу и достала два гранёных стакана. Женщина наполнила их водой из-под крана до краев. Василий смотрел на это во все глаза. Родители взяли стаканы и начали пить — жадно, большими глотками. Звук был чудовищным: громкое бульканье и хлюпа-

нье, словно кто-то пытался осушить болото через соломинку. Этот звук бил по нервам с ритмичностью отбойного молотка.

Мать осушила стакан первой и тут же наполнила его снова.

— Мам... может... чаю? — робко предложил Василий.

— Нет! — ее голос был резким и хриплым. Она даже не посмотрела на него и продолжила пить, высасывая из стакана жидкость. Вода стекала по ее подбородку за воротник платья.

Василий перевел взгляд на отца. Тот пил медленнее матери, но с той же ненасытной жадностью.

— Что... что с вами? Вы заболели? Почему вы сидите в темноте? И этот запах...

Отец со стуком поставил стакан на стол и вытер губы тыльной стороной ладони. Он посмотрел на сына долгим, тяжелым взглядом.

— Это всё из-за меня, Васька. Я же говорил тебе по телефону... Пару дней назад... Рыбнадзор лютует, — подавляя

звучную отрыжку, мужчина приложил к губам ладонь. — Сезон еще не начался, а я уже сети поставил. Улов был... знатный. Браконьерство пришили. Штрафом не отделаюсь. Они меня ищут. По всей деревне рыщут.

— И поэтому вы сидите в темноте? — недоверчиво спросил Василий.

— А как же еще? — огрызнулся отец. — Я из дома носа не высовываю уже неделю. Шторы не открываю — вдруг кто с биноклем следит? Мать со мной сидит, чтоб я с ума не сошел тут в четырех стенах. Духота... Пить охото...

В тот вечер Василий долго лежал в своей комнате без сна. Объяснение отца звучало бредово и пугающе одновременно. Из-за стены доносились все те же звуки: мерное бульканье воды и тяжелые шаги родителей по скрипучим половицам. Запах тины стал невыносимым. Он пропитал простыни, одежду Василия, казалось, даже его кожу.

Сон не шел. Василий ворочался на старой скрипучей кровати, и каждый ее стон отдавался в гнетущей тишине дома. Объяснение отца про Рыбнадзор казалось нелепым, но другого не было. Он лежал, уставившись в темноту, и слушал.

Дом жил своей жизнью: тихий, едва различимый скрип половиц, когда кто-то из родителей вставал, чтобы налить себе еще воды, и мерное, усыпляющее бульканье жидкости, наполняющей стакан.

В какой-то момент Василий провалился в тяжелую, липкую дрему. Ему снилось озеро. Черная, маслянистая вода не отражала звезд. Он стоял на мостках и смотрел вниз, в непроглядную глубину. Там, внизу, что-то двигалось — огромное, бесформенное тело скользило под самой поверхностью, вызывая легкую рябь.

Василий проснулся от того, что дом вздрогнул. Не от звука, а от вибрации, словно по фундаменту ударили чем-то тяжелым. Он сел на кровати. Тишина. Абсолютная. Плеск воды прекратился.

Он накинул на плечи куртку и вышел в коридор. Запах тины здесь был удушающим. Дверь в спальню родителей была приоткрыта. Внутри — кромешная тьма. Василий заглянул в щель. Кровать была пуста.

Василий бросился к входной двери. Она была не заперта на засов. Значит, или отец, или мать, вышли из дома. Он вернулся к окну в зале и осторожно, одним пальцем, отодвинул край шторы.

Ночь была черной. Луны не было. Но он увидел их. Две фигуры стояли у самой кромки воды на мостках. Они не двигались. Просто стояли и смотрели на озеро. Василий всматривался до рези в глазах, пытаясь понять, что они делают.

В этот момент Василий понял, что это не просто наблюдение. Они ловят рыбу. Ночью. Вдвоём. Мать бы никогда не пошла на рыбалку...

Он отпрянул от окна и замер, прижавшись спиной к холодной стене.

Снизу, из-под пола, где находился погреб, раздался глухой металлический лязг. словно кто-то с силой дернул за старую ручку двери или с грохотом уронил тяжелую кастрюлю.

Звук был реальным. Он шел изнутри дома.

Василий замер, парализованный страхом. Родители были снаружи. Кто же тогда был в погребе?

Лязг повторился, но теперь к нему добавился новый звук — тихий плеск воды и... влажное шлепанье босых ног по бетонному полу.

Шаги приближались к люку погребца.

Почувствовав, как на лбу выступает холодный пот, Василий метнулся обратно в свою комнату, запер дверь на хлипкую защёлку и забился в угол между кроватью и стеной.

Тишина длилась вечность. А потом он услышал скрип петель люка в кухне.

Что-то выбралось из погребца.

Оно не спешило. Василий слышал тяжелые, медленные шаги по кухне. Слышал влажный шорох, словно мокрая тряпка волочилась по линолеуму. Запах тины стал невыносимым, он заполнил собой всё пространство комнаты, вытесняя воздух.

Шаги остановились прямо за его дверью.

Наступила абсолютная тишина. Василий перестал дышать. Он смотрел на дверную ручку, ожидая, что она сейчас медленно повернется.

Вместо этого раздался звук, от которого его внутренности сжались в ледяной комок: тихий, утробный стон и влажный хруст разрываемой плоти.

Звук доносился из-за двери, но он не был похож на человеческие шаги или дыхание. Это было похоже на то, как кто-то с жадностью пожирает сырое мясо.

Василий нащупал телефон лежавший на кровати и включив фонарик направил его слабый луч на дверь. Сразу же всё стихло. Шаги начали удаляться обратно в сторону кухни и погреба. Люк снова скрипнул, закрываясь.

Когда Василий наконец осмелился выдохнуть, он понял одну страшную вещь: запах рыбы стал еще сильнее. Но теперь к нему примешивался новый аромат — густой, медный запах свежей крови.

Солнечный свет, пробивавшийся сквозь щели в занавесках, казался издевательством. Василий проснулся с пересохшим горлом и чугунной головой после бессонной ночи, полной кошмаров. Ему отчаянно хотелось пить.

Он тихо встал с кровати, стараясь не скрипнуть половицами, хотя понимал — они всё равно знают, что он не спит. Дом давил на него своей неестественной тишиной. Ни звука радио, ни бормотания телевизора, ни привычного скрипа

дивана. Только гнетущая, вязкая тишина и этот проклятый запах тины, который, казалось, вьелся даже в его кожу.

На кухне он открыл кран. Вода полилась ржавая, тепловатая, но сейчас она казалась ему спасением. Василий пил прямо из-под крана, жадно глотая воду, которая лишь слегка притупляла жажду. Внезапно он замер, так и не оторвав губ от струи.

Из коридора донесся тихий, влажный шлепок. Будто мокрая тряпка упала на деревянный пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.